

12+

Татьяна Гущина

**Печать
солнечного
трона**

Татьяна Гущина

Печать солнечного трона

«Издательские решения»

Гущина Т.

Печать солнечного трона / Т. Гущина — «Издательские решения»,

В мире, где магия карается огнём, Лира — лекарка, скрывающая дар, который стоил жизни её матери. Однажды на её пороге появляется раненый имперец с тайной меткой и потерянной памятью. Их встреча меняет всё: за ними начинают охоту, а прошлое оказывается опаснее будущего. Чтобы выжить, им придётся раскрыть правду о Солнечном Троне — и о себе. Но чем сильнее их связь, тем выше цена за свет, который они несут.

© Гущина Т.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Пепел на пороге	6
Глава 2. Серебряная соль	8
Глава 3. Дым над лесом	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Печать солнечного трона

Татьяна Гущина

© Татьяна Гущина, 2026

ISBN 978-5-0070-0039-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пепел на пороге

Ли́ра знала запах горячей магии.

Он не похож ни на что другое — сладковатый, как перегоревший мёд, и тяжёлый, как медь на языке. Она чувствовала его вчера, когда над лесом клубился дым, и сегодня утром, когда ветер принёс обломки пепла: чёрные, хрустящие, с остатками золотого рисунка. Метки Солнечного Трона. Кто-то из Севера сгорел.

Она вышла на крыльцо своей лачуги, прикуривая трубку — обычай, перенятый у отца-человека, — и смотрела, как рассвет красит хвойные вершины. Здесь, в Нижнем Вереске, рассвет приходил поздно. Ущелье защищало деревню от имперских дорог, но не от имперских патрулей.

— Ли́ра-лекарка!

Она не обернулась сразу. Знала по голосу — Матвей, старосты сын, шестнадцать лет и нетерпение во всём.

— Что сгорело?

— Патруль поймал беженца. Из Княжества Тумана. — Он подбежал, задыхаясь. — Сжигают у развилки. Ты пойдёшь?

Она не отвечала. Смотрела на пепел у порога, на свои руки — узкие, в мозолях от трав, в старых шрамах от ножей. Руки, которые умели останавливать кровь, сращивать кости, выгонять лихорадку. Руки, которые никто не должен был видеть в деле.

— Нет, — сказала она. — Не пойду.

Матвей замер, непонимающий. В Нижнем Вереске Ли́ра лечила всех — от имперских солдат с похмелья до северных беженцев с обморожениями. Она не отказывала никому.

— Это... это не маг, — добавила она, хотя не знала, зачем оправдывается. — Просто беженец. Я не лечу мёртвых.

Она вошла в дом, закрыла дверь, прислонилась к ней спиной. В груди пульсировало что-то горячее и древнее — тот самый огонь, который она гасила каждую ночь, прежде чем засыпать. Магия матери. Магия, за которую мать сожгли, когда Лире было семь.

Она не ходила на костры. Не смотрела. Но запах помнил всё тело.

Вечером пришёл другой запах — кровь.

Ли́ра сидела у очага, перебирала корень мирта, когда раздался стук. Не в дверь — в стену, слабый, как от птицы, запутавшейся в сетке.

Она открыла. На пороге лежал человек.

Не беженец. Беженцы приходили в лохмотьях, в грязи, с переломанными душами. Этот был в доспехах — чёрных, без опознавательных знаков, но выкованных по имперским лекалам. Под бронёй — тонкая рубаха из серого шёлка, который здесь, в Вереске, стоил бы годовой улов. И кровь. Много крови, чёрной в лунном свете.

Ли́ра опустила́сь на колени. Пальцы нашли пульс — рваный, уходящий. Рваное ранение под ребрами, пропитанное чем-то химическим, что пузырило края. Яд? Нет. Хуже. Серебряная соль — вещество, которым имперцы обрабатывали магические раны, чтобы предотвратить исцеление.

Она отдернула руку.

«Не мой бой. Не моя война. Он имперец.»

Но человек шевельнулся. Приоткрыл глаза — серые, с узкими зрачками, привыкшими к южному солнцу. И сказал голосом, от которого у Лир сжалось что-то внизу живота:

— Пожалуйста... не свет...

Не «помоги». Не «спаси». «Не свет».

Потому что луна падала прямо на его шею, на воротник рубахи, который она приоткрыла, проверяя пульс. И под грязью, под кровью, на ключице проступала линия — тонкая, золотистая, пульсирующая в такт его сердцебиению.

Метка.

Не имперская. Не солнечная. Другая. Древняя. Такая же, как у Лиры, только спрятанная глубже, защищённая лучше.

Магическая.

Она задохнулась. Схватила его за плечи — грубо, как хваталась бы за горло — и потащила в дом, через порог, мимо пепла, который всё ещё лежал в щелях дощатого настила.

Дверь захлопнулась.

Глава 2. Серебряная соль

Она работала в темноте.

Свечи не зажигала — ни восковые, ни лучинные, ни те, что тлели в медных подсвечниках у алтаря матери. Луны тоже не было: Лира натянула на окна овечьи шкуры, хотя задыхалась от запаха шерсти. Свет был врагом. Свет показывал, как кожа вокруг раны светилась изнутри, откликаясь на её прикосновения.

Она не использовала магию. Клялась себе, что не использует.

Просто знала, где находятся сосуды. Просто умела зашивать быстрее, чем кровь успевала вытекать. Просто чувствовала, где кончается здоровая ткань и начинается отравленная солью плоть — как будто её пальцы видели сквозь кожу.

«Это навык. Это опыт. Это не магия.»

Она говорила себе это, вырезая серебристые осколки из подреберья, пока рука не онемела. Говорила, когда накладывала компресс из полыни и льна, который должен был вытянуть остатки соли. Говорила, когда лежала без сна рядом с очагом, прислушиваясь к его дыханию — ровному теперь, глубокому, не похожему на предсмертное хрипение.

К утру она знала три вещи.

Первое: он молод. Двадцать пять, не больше. Руки с мозолями от меча и конских поводов, но под ногтями — остатки лака, которым имперские дворяне покрывали кутикулы. Воин и аристократ. Опасное сочетание.

Второе: метка на ключице — не случайность. Кто-то нанёс её умышленно, скрыв под слоем кожного пигмента, который растворился от пота и крови. Лира узнала технику: видела такую же у торговца из Харрада, который оказался беглым жрецом Старых Богов. Метка подавляла силу, делала её спящей. Но не убивала.

Третье: он говорил во сне. На имперском диалекте, быстро, судорожно, как будто докладывал.

«...не дети. Повторяю, не дети. Цель — только маги боевого круга. Но они... в подвале... огонь уже...»

Потом резко замолкал, сжимал кулаки, и Лира видела, как мышцы его предплечья напрягаются — не от боли, от чего-то другого. От ярости. Или от страха.

Она не будила.

К полудню он пришёл в себя.

Лира сидела у окна, чистила травы, делала вид, что не замечает, как его дыхание изменилось — стало осознанным, осторожным. Как пальцы его правой руки нашли рукоять ножа, который она не убрала из-под подушки.

— Вы меня спасли, — сказал он. Не вопрос. Голос — ровный, обученный, с тем самым южным акцентом, который в Нижнем Вереске вызывал ненависть и страх.

— Вы заплатите, — ответила она, не оборачиваясь. — Когда сможете встать.

Тишина. Потом — тихий, сдавленный смех.

— Северный прагматизм. Я забыл, как он звучит.

— Вы были на Севере раньше?

Она обернулась. Он сидел, прислонившись к стене, бледный, с тёмными кругами под глазами, но уже державшийся иначе — не как раненый зверь, а как человек, который привык, что пространство вокруг него подчиняется.

— Был, — сказал он осторожно. — Давно.

— Зачем?

— За магами.

Лира замерла. Её рука сошла с ножа для трав, лежащего на подоконнике.

— Вы из Погонной стражи? — Она сказала это спокойно, хотя сердце колотилось в горле. Погонная стража — элитные имперские войска, которые ловили магов. Сжигали. — Вы пришли за мной?

Он посмотрел на неё. Долго. В его взгляде не было угрозы — только усталость, и что-то ещё, что Лира не умела назвать.

— Я не знаю, кто вы, лекарка. Не знаю, есть ли у вас... то, за что гонятся. — Он потёр ключицу, не глядя, инстинктивно, и Лира увидела, как он замер, почувствовав под пальцами голую метку. Лицо его не дрогнуло, но глаза — на долю секунды. — Я не из Погонной стражи. Не сейчас.

— Кто вы?

— Незнакомец. — Он улыбнулся, и улыбка была странной — обученной, как голос, но не достигающей глаз. — Раненый незнакомец, который заплатит, как только найдёт свои деньги. Или свою лошадь. Или...

Он остановился. Схватился за голову, и Лира увидела, как бледность его лица сменилась серовой — оттенком, который она знала слишком хорошо.

— Что? — Она была у него раньше, чем он успел упасть. Руки на его плечах, пальцы на пульсе.

— Не помню, — прошептал он, и в его голосе впервые дрогнула та обученная ровность. — Не помню, как... откуда. Кто я. Только... огонь. И крики. И кто-то... кто-то говорил мне бежать.

Амнезия. От травмы, от яда, от того, что его преследовало. Лира держала его, чувствуя, как он дрожит — сильный, обученный убийца, который теперь был пустым, как выдолбленная тыква.

И в этот момент, когда его лоб коснулся её плеча, она почувствовала это.

Отклик.

Не словами, не образами. Тепло в груди, там, где спала её магия. Тепло, которое отвечало на его дыхание, на его дрожь, на метку, пульсирующую под тонкой рубашкой.

«Нет.»

Она отстранилась. Резко, грубо.

— Запомните, — сказала она, и её голос был ледяным, потому что иначе она бы закричала. — Вы не знаете, кто я. Я не знаю, кто вы. Вы заплатите и уйдёте. Это всё.

Он посмотрел на неё. В его серых глазах — тот самый неизвестный отблеск, и ещё что-то. Распознавание? Нет. Он не мог знать. Он не знал даже себя.

— Как вас зовут? — спросил он.

Она не ответила. Вышла из дома, оставив его в темноте, с запахом полыни и серебряной соли.

На пороге всё ещё лежал пепел. Она ступила на него босой ногой, чтобы почувствовать жжение.

Глава 3. Дым над лесом

Она назвалась просто — Лира.

Не Лира из рода Полуночных, как звучало бы настоящее имя матери. Не Лира Огненная, как прозвали бы в Княжестве. Просто Лира, лекарка из Нижнего Вереска, дочь умершей от чахотки матери и пропавшего отца-охотника.

Он поверил. Или делал вид.

Сам он не помнил имени. Не помнил ничего, кроме фрагментов — запаха кожи и конского пота, звона доспехов, чьего-то голоса, кричащего «Ваше Высочество». Высочество. Слово, которое он произнёс во сне, не понимая, что значит.

Лира кормила его похлёбкой из перловки и не задавала вопросов. Она не хотела знать. Знание было опасно в Нижнем Вереске — особенно знание об имперцах, особенно о тех, кто носил скрытые метки и забыл своё имя.

Но молчание не спасало.

На третий день пришли Погонные.

Она услышала их раньше, чем увидела — топот копыт по каменистой тропе, которую здесь, в ущелье, могли найти только проводники или те, кто платил за предательство. Лира стояла у ручья, полоскала бинты, когда звук достиг её.

Она бросилась к дому.

Он сидел на пороге — уже мог сидеть, уже мог ходить, осторожно, придерживаясь стен. В руке — нож, который она забыла убрать. В глазах — не испуг. Что-то другое. Готовность.

— В лес, — сказала она, не раздумывая. — Западная тропа, за ручьём, у валуна с красным мхом. Ждите.

— А вы?

— Я лекарка. Они меня не тронут.

Он посмотрел на неё. Взглядом, который пронзал ложь — она чувствовала это, как физическое касание.

— У вас на руках — их кровь, — сказал он тихо. — Их запах. Они это почувствуют.

Лира замерла. Она не думала об этом. Не думала, что серебряная соль оставляет след, что её пальцы пропитаны имперской кровью, что Погонные учились различать запахи, как гончие.

— Тогда мы оба в лес, — сказала она.

Они бежали не по тропе — она знала короткие пути, тропки оленей, каменистые осыпи, где копыта скользили. Он бежал за ней, хромя, но не отставая, и она слышала его дыхание у себя за спиной, ровное, обученное.

Но Погонные были ближе, чем она думала.

Они окружили их у овечьего загона — трое в чёрных плащах с солнечной вышивкой на груди, с копьями, наконечники которых были обработаны той же солью. Лира знала этот тип оружия. Видела, как оно действует на магов — не убивает сразу, парализует, оставляет для костра.

— Лекарка, — сказал старший. Он был без маски, с лицом, которое помнило детство — щёки, поросшие рыжеватым пухом, глаза цвета перегоревшей меди. — Мы ищем беглеца. Раненого. Имперского.

— Здесь нет имперцев, — сказала Лира. Голос её не дрожал. Она гордилась этим, хотя колени подкашивались. — Только я и мои овцы.

— Овцы не пахнут серебром.

Погонный сделал шаг. Его копьё наклонилось — не угрожающе, по-охотничьи, как будто Лира была дичью, которую нужно поднять на ветер.

И тогда он вышел из-за её спины.

Не спрятался. Не бежал дальше. Вышел, открыто, с ножом в руке — жалким оружием против копий, — и встал между ней и Погонными.

— Я тот, кого вы ищете, — сказал он, и голос его изменился — стал тем самым обученным, ровным, имперским. Но не подчинённым. Приказывающим. — Лекарка вынуждена. Не соучастница. Отпустите её.

Ли́ра смотрела на его спину — широкую, дрожащую от напряжения, с рваной рубашкой, сквозь которую проступала заживающая рана. Он защищал её. Человек без имени, с меткой на ключице, с амнезией, которая могла быть ложью.

— Ваше Высочество, — сказал Погонный, и улыбнулся.

Улыбка была страшнее копья. Ли́ра почувствовала, как мороз прошёл по коже.

— Мы так и думали. Его Светлость будет рад. Живым предпочтительнее, но... — он пожал плечами, — голова тоже сойдёт. А лекарку — для допроса. Она прикоснулась к вам. Значит, прикоснулась к...

Он не договорил.

Потому что в этот момент Ли́ра сделала то, что не делала двенадцать лет.

Она позволила магии выйти.

Не думала. Не молилась. Просто — вспыхнула. Из груди, из того места, где спала, где была заперта, где кормилась страхом и молчанием. Свет — не золотой, как у Солнечного Трона, а лунный, серебристый, мерцающий, как её глаза в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.